

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Честь и бесчестье: роман «Белая гвардия», пьеса «Дни Турбиных»

Главным, чем вошел Булгаков в литературу 1920-х, был роман «Белая гвардия» и возникшая на его основе пьеса «Дни Турбиных».

Задача, которую ставит перед собой Булгаков, — показать картину гражданской войны, которая, по его замыслу, должна быть не только написана в традициях «Войны и мира», но и по размаху ориентироваться на толстовскую эпопею. Тем не менее, оценки, которые сам Булгаков давал своему произведению в разное время, были также различны. Пока Булгаков «не остыл» от этой книги, он считал ее самой важной в своей судьбе, говорил, что от этого романа «небу станет жарко», — а спустя годы признавал роман «неудавшимся». Возможно, это происходило оттого, что эпопеи, о которой мечтал автор, не получилось. Вместо грандиозной панорамы возник один, хотя и яркий, ее фрагмент — 1918 год в Киеве. Журнал «Россия», печатавший в 1925 году роман, закрылся, не завершив печатания даже той части, которая могла стать первой книгой эпопеи. Дальше, возможно, предполагалось захватить события гражданской войны на Юге, продлить судьбы героев.

Одной из отличительных особенностей романа является тот личный тон, который проходит через все повествование. Книга похожа на немного романтизированную мечту-воспоминание уставшего от войны, измученного бездомьем человека.

Максимилиан Волошин, одним из первых разглядевший дар Булгакова, отметил, что его литературный дебют можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского. Волошин же дал «Белой гвардии» емкое определение, сказав, что ее автор воплотил в своем романе «душу русской усобицы». В 1920-е было достаточно писателей, изображавших гражданскую войну с позиций красных (например, «Чапаев» Фурманова, «Разгром» Фадеева или «Конармия» Бабеля). Были и такие, что описывали ее из белогвардейского стана (например, сочинения генерала Краснова). Однако Булгаков, изображая войну, не спешит принять чью-либо сторону. Он пытается быть объективным.

Автор избегает в своей книге (по крайней мере в той части, которая была закончена), прямого противостояния красных и белых. На страницах романа белые воюют с петлюровцами. Но писателя занимает более широкая гуманистическая мысль. Эта мысль состоит в том ужасе, который несет с собой братоубийственная война, ее всеразрушающая стихия. В 1930 году Булгаков в своем письме правительству прямо говорил о своих «великих усилиях стать бесстрастно над красными и белыми».

Булгаков защищал в романе вечные ценности: дом, родину, семью. И остался реалистом в своем повествовании: он не щадил ни петлюровцев, ни немцев, ни белых, и о красных не сказал ни слова неправды, расположив их как бы за сценой (поскольку его личный опыт касался в основном белого движения). Внутренним центром, от которого начинается любое действие в романе, становится мечта о покое, мирной жизни для людей. С нескрываемым сарказмом рисует Булгаков властителей-самозванцев: Петлюру или марионетку немцев — гетмана. На мирном фоне снежно-белого Киева запечатлевает он и грубую реальность войны: боль, кровь, трупы, холодный ужас мертвецкой. Но автор пытается объяснить и исторический смысл апокалиптического бедствия. Обрушившийся обломками мирный быт, кровавый вихрь, пронесшийся над городом, — это своего рода рок, неизбежное возмездие за долгое равнодушие сытых к мужицкой боли и беде.

Новизна романа Булгакова состояла прежде всего в том, что спустя пять лет после окончания гражданской войны, когда еще не утихла взаимная ненависть, он осмелился показать офицеров белой гвардии не в плакатной личине «врага», а как обычных — хороших

и плохих, мучащихся и заблуждающихся, умных и ограниченных — людей, показал их изнутри, а лучших в этой среде — с очевидным сочувствием.

Чем же привлекают Булгакова эти люди? И в Алексее, и в Малышеве, и в Най-Турсе, и в Николке он больше всего ценит мужественную прямоту, верность чести.

Это слово проходит в романе как лейтмотив. «О, чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести!» — негодует на Тальберга, сбежавшего с немецким штабным поездом, Алексей Турбин. И ему же подбрасывает автор книгу Достоевского, раскрытую на фразе: «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя».

Офицерская честь требовала защиты белого знамени, верности присяге, царю и отечеству, и Алексей Турбин мучительно переживает крушение веры в святость этих идеалов. Но для любимых героев Булгакова честь — это еще и верность другим людям, товариществу, долг перед младшими и слабыми. Полковник Малышев распускает юнкеров по домам, поняв бессмысленность сопротивления. Най-Турс сражается до конца, а когда видит, что дело проиграно, срывает с юнкера, почти мальчика, погоню и прикрывает его отход пулеметом. Николка мечется по простреливаемым улицам города, ища близких Най-Турса, чтобы сообщить им о его смерти, а потом, рискуя собой, хочет похитить тело погибшего командира, извлекая его из горы трупов в подвале анатомического театра.

Антиподами этих героев выступают персонажи, лишенные чести. Таков Тальберг, чужак в турбинской семье, бегущий вслед за немцами. Таков инженер Василиса, живущий в нижнем этаже дома на Алексеевском спуске (в верхнем живут Турбины). Василиса воплощает мир жадности и приспособленчества. Он, как и Тальберг, чужой живущим над ним безрасчетным, открытым людям. Ограбленный бандитами, Василиса, прежде ярый противник старого режима, отныне уповает лишь на самодержавие: «Да-с... Злейшая диктатура, какую можно только себе представить... Самодержавие...» (это своего рода пародия на недавние слова Алексея Турбина, что «спасти Россию может только монархия»). То, что для Алексея Турбина — плод мучительных размышлений и попыток понять ход истории, для Василисы, демократа до первого ущерба себе, — лишь способ приспособиться к новой власти, к изменившимся обстоятельствам. Булгаков дает понять, что людям свойственно заблуждаться, сомневаться, искать, приходиться к новой вере. Но человек чести проделывает этот путь по внутреннему побуждению, мучительно расставаясь с тем, чему поклонялся. Для человека, лишенного понятий чести, такие перемены легки: он, подобно Тальбергу, просто меняет бант на лацкане пальто, приспособившись к изменившимся обстоятельствам.

Честь для Булгакова — это тот главный стержень, который, собственно, делает человека человеком. И присутствие его, или отсутствие, сказывается во всех областях, в которых человек так или иначе пытается реализоваться. Проявляется это и в вопросах веры в бога (то, что в «Мастере и Маргарите» воплотится в линии, посвященной Иешуа).

В первом романе Булгакова нет разрыва с традиционным религиозным сознанием, но и не чувствуется доскональной верности ему. Молитва Елены о спасении брата, обращенная к богородице, совершает чудо: Алексей выздоравливает. Перед внутренним взором Елены возникает тот, кого Булгаков впоследствии назовет Иешуа Га-Ноцри, — «совершенно воскресший, и благодостный, и босой». Легкое прозрачное видение предвосхитит своей зримостью поздний роман: «стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные красно-желтые песчаные глыбы, маслячные деревья...» — пейзаж древней Иудеи. Однако в романе есть и другой персонаж. Пациент Алексея Турбина поэт Русаков легко, как и Василиса, переходит от богохульства, глумления над верой, к фанатической религиозности. Причиной тому — привязавшаяся к нему дурная болезнь. С нескрываемым сарказмом Булгаков показывает, как еще недавно сметавший в своих стихах идею бога («Богово логово») и проклинаявший его «матерной молитвой», Русаков перед призраком позорной смерти униженно выклянчивает прощение у всевышнего, моля не

оставить без надежды. В этом образе явно слышатся отголоски, которые затем воплотятся в образе Ивана Бездомного в «Мастере и Маргарите».

С иронией изображена в романе литературная среда: здесь все поверхностно, эгоистично, зыбко. Таков литератор Шполянский, которому скучно, потому что он «давно не бросал бомб». Его отвага — напоказ, а нарочитая воинственность напоминает игру.

Алексей Турбин, полковник Малышев и Най-Турс относятся к войне всерьез. Они устали от нее, устали от воровства и предательства, от крови и грязи, и больше всего мечтают о мирной жизни, символом которой в романе выступает дом Турбиных.

Смысловая кульминация романа — вещий сон Алексея Турбина. «Мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку, — по-крестьянски просто рассуждает бог, “явившийся” вах-мистру Жилину. — Один верит, другой не верит, а поступки... у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку...» И белые и красные, те, что пали под Перекопом, равно подлежат высшему милосердию: «...все вы у меня одинаковые — в поле брани убиенные».

Автор романа не прикидывался человеком религиозным, и ад, и рай для него скорее всего «так... мечтание человеческое». Но Елена говорит в домашней молитве, что «все мы в крови повинны». Страдания и муки братоубийственной войны, сознание справедливости того, что в романе названо «корявый мужичонков гнев», и вместе с тем боль от попрания старых человеческих ценностей вели Булгакова к созданию своей необычной этики — по существу безрелигиозной, но сохраняющей черты христианской нравственной традиции.